

П В О З Н Я

Никслай Байтов

Х Х Х

Много, много денег: раз, два, три, четыре —
сорок, еще десять... ещё тени, дыры
гложат, но уже ближе, ближе, ближе солнце.
Блея, побежали за калитку стриженные овцы.

Тонкие руна облаков нежны и золотисты
на просвет — и дуга, и болста ситин
просиять готовы вот сейчас под легков столпом
стройного ствещного столба из света, воздуха, покоя.

В ходкие сандалии обут безответственный гадатель.
Сто, двести, триста... Хватит, хватит: голитьба теперь
деревенская долго будет ждать приезда автолавки,
чтобы стоварить талоны все, лепты, драхмы и таланты.

Х Х Х

1. Видится мне золотое сатурново царство. — Праздно
гнали боги по кругу небесное время, — мнили,
глупые, что святое сатурново яство — басня,
ждали: вдруг прсрастет полезное семя в мире.

В мере времени скрыта упрямая язва. — Разве
выправят ярода-запку шепелявые книги? — Стнкли
всякие знаки, и старцы вернулись в ясли. — Б плазме
снова сплавилсь в мерасторжимые слитки лики...

2. Видится мне золотое хроново царство. — Фарса
близок хреновый конец, — ухватиться время. — Бредя,
в белых глазах дотлевают кровавсе хамство Марса,
беглый Меркурий — в тюрьме, и в дырах венерины сети. —

Се темнсты полуденной рассеченный узел. — Бесел
пламень, парший на шивку вакхова тирса. — Старцы
пляшут под кронами тисов трезвые: труден вечер,
о древних холмов приносящий хронова царства танцы.

Взять, положим, червонец, валяющийся у помойки, —
ведь сгодился бы, чтоб отнести и, пожалуй, на книжку
ислосжить... Или взять революцию... Или на полке
взять, допустим, какую-нибудь подходящую книжку, —
ведь душа все равно не выиграет от всех этих взятий.
Есть, конечно, немало других интересных примеров:
есть отечество, где посреди равнодушных занятий
вянет дружба в груди улыбающихся пионеров...
Вянет лето кругом, и тузы золотые слезятся
у порога и вдоль тротуара до самой помойки.
Есть, конечно, и где погулять и к чему прислоняться,
если, скажем, устал или в случае, скажем, поломки.
Есть просторы для мысли, которые даже огромны.
Взяв, допустим, гитару, в них можно пойти и, пожалуй,
спеть... Ис только душа все белеет,
как ангел надгробный,
в позе недоуменья с тех пор как плечами показала.

Давно ли ходит этот волк
у Лесбии в ценках? —
Присвел в глазах роскошный долг,
завял свободный риск.
Пустынный вой в обмен на визг
полезнее, чем — как? —
чем кдать небесный камень в лоб
в пустыне женских лиц.
Вот ванна, зеркало, — и вот
по лезвию стекла
цивилизованно плывет
желто-седая шерсть...
Улыбкой преданнейших чувств
порезана щека. —
Очнулся крови теплый вкус,
словно забытый жест.